

КОНЦЕПЦИИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МИГРАНТСКИХ СООБЩЕСТВ В АМЕРИКАНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Автор: М. А. САФОНОВА

САФОНОВА Мария Андреевна - кандидат социологических наук, старший преподаватель факультета социологии Национального исследовательского университета - Высшая школа экономики (Санкт-Петербург) (E-mail: safonovam@yandex.ru).

Аннотация. Рассматривается материал о зарождении американских исследований в области теорий организации сообществ мигрантов и процесс становления американской социологии миграции. Обсуждается концепция интерстициальных зон в социальной структуре. Рассмотрено предложенное представителями Чикагской школы понятие сукцессии. Обсуждаются концепции мигрантских ниш, социального капитала, ограниченной солидарности и обеспеченного доверия. Обращается внимание на трансформацию методологического аппарата миграционных исследований в связи с началом изучения отправляющих сообществ и появлением концепции миграционной сети.

Ключевые слова: сообщества мигрантов * социальный капитал * обеспеченное доверие * ограниченная солидарность * мигрантские ниши

Тема статьи - рассмотрение классических и современных работ, относящихся к американской традиции исследования миграции и сообществ мигрантов, включая методологический и методический инструментарий. Основное внимание будет уделено тому, как такие сообщества возникают, развиваются и определяют путь интеграции мигранта. Прослеживается логика развития исследований сообществ мигрантов в США.

Начало социологических исследований процессов, вызванных миграцией, в том числе адаптации мигрантов к условиям жизни в США, связано с чикагской школой.

Основным предметом изучения ее представителей выступала экологическая организация города, естественная история городских сообществ, и объектом во многих случаях оказывались группы мигрантов. Работы чикагской школы можно назвать "*предысторией*" миграционных исследований, поскольку их предметное поле получило институциональное оформление значительно позже. В этих работах был описан ряд закономерностей, которые с 1970-х годов стали переоткрывать и развивать.

Современный этап в истории миграционных исследований начинается с 1970-х гг. Исследователи стали показывать широкой общественности, что общество, которое принимает миграцию, структурировано и не является одним большим плавильным котлом ("melting pot"), а потому политики интеграции должны быть разными для разных групп мигрантов. Одна из общественных структур, которая может организовывать интеграцию мигранта - это мигрантское сообщество. В 1980-х годах появляются влиятельные тексты, в которых для объяснения сохранения мигрантских сообществ используются достижения экономической социологии. Тем не менее, в этот период исследователи обращают внимание только на явления, наблюдаемые в принимающем обществе (реципиенте миграции). Концепции этой волны исследований можно обозначить как *реципиентно-центрические*; они представлены во втором, третьем и четвертом разделах статьи.

Довольно поздно, где-то с 1980-х гг. появляются первые специальные социологические концепции, объясняющие развитие процесса миграции. В конце XX века международная мобильность достигает "критической массы" и оказывается в центре внимания многих агентов: исследователей, финансирующих организаций, правительственных департаментов и других. Эти агенты начинают понимать, что инкорпорация мигрантов и организация их сообществ зависит не только от местных структурных условий и политик интеграции, но и от особенностей процесса миграции. Формулируется теория миграционной сети, которая включает в сообщества мигрантов тех агентов, которые остались в отправляющих странах, но все еще значимы для идентичностей мигрантов и организации их деятельности в принимающих. Пространства, которые включают и отправляющие, и принимающие мигрантов сообщества, начинают называть транснациональными, поскольку их члены живут в разных национальных государствах. Эту новую группу концепций можно назвать *транснационально-ориентированной*. О влиятельной теории, которая повлекла за собой развитие данного направления, будет рассказано в последнем разделе статьи.

Предыстория миграционных исследований: работы социологов чикагской школы

В работах социологов чикагской школы имеется ряд концептуальных открытий, но миграционисты стали внимательно изучать и цитировать эти работы только в последние годы [Alba, Nee, 2003]. Г. Беккер [Becker, 1966], которого традиционно причисляют ко "второй чикагской школе", в комментариях к одной из работ предшественников отметил, что получаемый каждым исследователем материал был составной частью социальной мозаики. Собранные вместе кусочки позволяли получить целостную картину жизни большой социальной общности - города Чикаго и проследить его развитие спустя определенный период времени. Благодаря этому исследователи смогли зафиксировать траектории восходящей/нисходящей мобильности мигрантов и их детей, выявить ареалы расселения мигрантских групп, статус этих ареалов в городской пространственной иерархии. Они изучали влияние городских институтов на жизненную траекторию мигрантов, трансформацию этих институтов под воздействием миграции.

Поскольку основная цель статьи - рассмотреть концепции, объясняющие организацию инкорпорации мигранта *внутри* сообщества, а не за его пределами, мы не станем подробно обсуждать работы, рассматривающие механизмы взаимодействия мигрантов и других групп принимающего общества. По этой причине за рамками данной статьи останутся две широко известные работы Р. Парка, ставшего центральной

фигурой чикагского факультета социологии первой четверти XX века - статья о мигранте как маргинальном человеке [Park, 1928] и текст об аккомодации и ассимиляции [Парк, 2002b], который является частью более крупной работы¹.

Без внимания долгое время оставались другие тезисы, высказанные Парком и развитые в эмпирических исследованиях его коллегами и учениками. Чикагские исследователи отметили способность отдельных групп мигрантов к организации сообществ ("community"), которые, в свою очередь, могут создавать собственные правила действия, накапливать и эффективно использовать ресурсы. Поскольку мигрант обычно входит в мигрантское сообщество и живет в специфическом социально-экологическом ареале, поскольку такое сообщество и такой ареал имеют непосредственное влияние на его инкорпорацию, мигрант не должен изучаться изолированно. Необходимо изучать сообщества мигрантов [Парк, 2000; Парк, 2002с].

Парк дает в разных текстах несколько определений понятию "сообщество". Здесь я обращаю внимание читателя на то определение Парка, которое может быть легко идентифицировано в текстах его коллег и учеников как рабочее определение для эмпирического исследования. Первая часть определения сходна с определением сообщества у экологов, в работах которых Парк и его коллеги часто заимствуют [Парк, 1999: 386] объяснительные схемы: сообщество- "это собрание людей, занимающих более или менее четко определенную область" [Парк, 2002с: 14]. Далее он уточняет: "Сообщество - это не просто собрание людей, но собрание институтов... не люди, но институты являются конечным и решающим фактором, отличающим сообщество от других социальных констелляций" [Парк, 2002с: 14]. Эмпирические работы учеников Парка построены по предложенной в этом определении схеме. Сначала они очерчивают географический ареал, в котором живут гомогенные по интересующему исследователя признаку индивиды (Х. Зорба тщательно перечисляет улицы мигрантского гетто), а затем рассказывают об институтах, организующих жизнь сообщества. Например, о кофейнях иранских мигрантов, где они едят, курят, обмениваются слухами, о газете, издатель которой является центральной фигурой для иранцев в Чикаго, о значении церкви и т.д. [Zorbaugh, 1983].

Как полагает Парк, наличие большого числа институтов², организующих разные стороны жизни - свидетельство автономии сообщества. Институты, организующие свободное время (досуг и религиозные практики) - центральные для сообщества. Хорошо организованное сообщество всегда регулирует свободное время своих членов. Сообщества, способные защищать своих членов от негативных последствий социальной дезорганизации, Парк называет эффективными. Отсутствие у эмигрантского сообщества внутренних институтов свидетельствует о необходимости для мигранта пользоваться институтами принимающего общества и в большей степени интегрироваться в него. Однако такого рода интеграция не всегда свидетельствует о социальном благополучии [Парк, 2002с].

Парк с помощью статистики демонстрирует, что интегрированные в эффективное сообщество недавние мигранты гораздо менее подвержены бедам социальной дезорганизации (крайняя бедность, изоляция, болезни и т.п.), чем мигранты, не объединенные в эффективное сообщество. Например, показывает читателям Парк, в 1920 - 30-х гг.

¹ Идеи, изложенные в обеих работах, оказали влияние на дальнейшие исследования сообществ мигрантов. Предложенная Парком и использованная его коллегами и последователями концепция ассимиляции была модифицирована в середине XX века. Новая ее редакция в конце 1960-х - начале 1970-х гг. подверглась активной критике. Тем не менее, в конце XX века она вновь стала легитимной. Для знакомства с основной линией развития дискуссии см. [Gordon, 1964; Alba, Nee, 2003].

² В разных работах Парка мы можем идентифицировать определение сообщества, однако институт он определяет через примеры и перечисление: "Среди институтов сообщества всегда будут выделяться домашние хозяйства (...) церкви, школы, дворы, местные места собраний, возможно, театры и, конечно же, деловые и промышленные предприятия" [Парк, 2002с: 14]. Схожим образом он избегает определения институтов и в другой статье, где дает читателю их примеры [Парк, 2002а: 10].

мигранты из Китая или Японии гораздо менее подвержены "социальным болезням", чем мексиканские мигранты, которые в момент его работы над книгой "Город" ("The City") демонстрировали самый высокий среди мигрантских групп США уровень преступности. Эта тенденция - наличие в структуре принимающего американского общества относительно благополучных (например, китайских) мигрантов, и крайне неблагополучных (например, мексиканских) - сохраняется до настоящего момента и активно обсуждается в современных работах. Парк предлагает объяснение появлению эффективного сообщества и сильной внутренней солидарности мигрантских групп: их создает негативное давление извне (в том числе из расовых и религиозных предрассудков), со стороны принимающего общества [Парк, 2002с: 18].

Чикагские исследователи выявили три характерных для жизни мигрантских сообществ феномена:

Первый феномен: мигранты трансплантируют в принимающее общество часть отправляющего сообщества вместе с нормативными образцами, поведенческим кодом, статусной системой ("old world traits transplanted", как называли это Томас и коллеги [Thomas, Park, Miller, 1971]). Механизм такой трансплантации был исследован на обширном эмпирическом материале в совместной работе Томаса и Знанецкого. В этом классическом труде выявляются связи между реакцией польских мигрантов на условия принимающего сообщества США и их прежним социальным опытом, вынесенным из жизни в совершенно ином обществе [Thomas, Znaniecki, 1927]. *Второй феномен:* мигрант поддерживает статус и в принимающем обществе, и в отправляющем. Принимающее сообщество позволяет ему поддерживать оба статуса; статус в отправляющем обществе поддерживается, в том числе, с помощью специализированных институтов, существующих внутри сообщества [Thomas, 1967: 41 - 69]. *Третий феномен:* чикагские исследователи обнаружили, что способность некоторых категорий мигрантов к созданию сплоченной и организованной (локальной) общности гораздо выше, чем способность многих городских жителей других категорий [Парк, 2002b].

Эффективное сообщество мигрантов обеспечивает необходимое для жизни с точки зрения чикагцев первичное социальное оборудование, перечень которого сформулирован Уильямом Томасом и неоднократно цитировался его коллегами и студентами [Thomas, Park, Miller, 1971: 25 - 30]. Сообщество может дать мигранту доступ к жилью и работе, то есть обеспечить чувство относительной безопасности; создать группу, которая производит приемлемый для него статус, признание и персональные контакты; организовывать свободное время. Сообщество, помимо прочего, наделяет мигранта набором последовательных и связанных определений ситуаций, а также соответствующих этим определениям правил поведения, поскольку ряд прежних, вывезенных из страны эмиграции, перестал быть релевантным. В терминах представителей чикагской школы - сообщество обеспечивает мигранту *социальный мир*³, где он живет.

"Интерстициальные" зоны в социальной структуре

Социологи чикагской школы первыми начинают обсуждать вопрос: где в структуре принимающего общества (города) оказываются мигранты и какого рода структурные условия позволяют им в этом обществе (городе) задержаться? Он оказался связан еще с одним вопросом, который сегодня считается основным в работах всей чикагской школы: как происходит пространственное распределение гомогенных групп в городе как гетерогенном социально-экологическом образовании? Главными факторами

³ Изучение "социальных миров" находится в центре исследовательской деятельности социологов чикагской школы, поскольку они считают, что человек неизбежно проводит жизнь в ограниченных социальных мирах (одном или нескольких), которые имеют собственный внутренний поведенческий код, самосознание, язык, ценности и т.д. Городское пространство для них - это пересекающиеся социальные миры ("The Ghetto", "The Gold Coast and the Slum", "Taxi-Dance Hall") взаимоотношения между которыми упорядочены в ходе естественной истории конкретного урбанистического образования.

в распределении этих групп они считают локальный городской ландшафт, линии коммуникации, цены на землю и доходы. В пространственной структуре города мигранты оказываются в ареалах, где размер арендной платы невысока, линии коммуникации ведут к концентрации индустрии в непосредственной близости к ним, ландшафт непривлекателен. Такими ареалами являются территории рядом с заболоченными руслами, оползающими оврагами, вокруг промышленных предприятий, вблизи железных дорог и других крупных магистралей, территории, застроенные некачественным или обветшавшим жильем, и т.д. Они становятся городскими трущобами и гетто, районами первого поселения мигрантов.

К этим ареалам ученик Парка Фредерик Трэшер в своей знаменитой книге о бандах применил понятие *интерстициальных* ("interstitial") зон города [Thrasher, 1968: 21 - 22]. В природе инородные образования имеют свойство накапливаться в расселинах, изломах, разрывах - в любого рода трещинах⁴. Трэшер утверждает, что аналогичные трещины существуют в структуре социальной организации. Такие области он именовал "интерстициальными". Это естественные зоны, расположенные между двумя (или несколькими) структурированными и востребованными зонами. Они не представляют интереса для экономически успешного и социально укорененного населения (никогда не были привлекательными, либо в какой-то момент были оставлены). Агентами, заполняющими такие зоны, становятся недавно прибывшие мигранты либо неуспешные городские жители. При заполнении таких зон мигранты не встречают противодействия со стороны местного населения, какое они получили бы в зонах давнего расселения успешных резидентов [Zorbaugh, 1983: 141].

Несколько десятилетий спустя общую логику рассуждений Трэшера использовали американские миграционисты Роджер Уолдингер и Говард Олдрич. Основной объект их исследовательского интереса - предприятия, создаваемые мигрантами первого и второго поколения (в литературе по миграциям они традиционно называются "этническими"). Обязательным условием появления таких предприятий является благоприятная конъюнктура рынка, которая способствует возникновению мигрантских фирм и обеспечивает доступ к предпринимательским возможностям. Структурные условия задаются исторически, и группы мигрантов должны действовать, опираясь на ресурсы, предоставляемые им окружающей средой - успешные группы адаптируются к этой среде. Деятельности мигрантов способствует существование рынков, которые Уолдингер и Олдрич называют "интерстициальными" и которые потенциально могут быть заполнены мигрантами [Aldrich, Waldinger, 1990: 118]. Степень внешней регуляции на этих рынках относительно невелика: это необслуживаемые или покинутые рынки с нестабильным или негарантированным спросом, которые требуют больших временных капиталовложений для изучения вкуса и потребительских предпочтений ("этнические рынки") и т.д. На них нет местных агентов, которые могли бы составить мигрантам серьезную конкуренцию. Доступ к возможностям обычно контролируется не-мигрантами, регламентируется в рамках существующих политик по отношению к мигрантам, и может либо способствовать их деятельности, либо ограничивать ее.

Изначальная концентрация мигрантов в определенных зонах города и на определенных рынках ведет к дальнейшему появлению феномена, который был отмечен в ранних чикагских исследованиях и наделен социологическим лейблом в более поздних работах миграционистов. Чикагцев интересовал феномен *сукцессии* (succession) в городском пространстве - замещения одной гомогенной группы населения со сходными социальными траекториями и характеристиками, занимающей территорию определенного городского ареала, другой гомогенной группой. Каждая сукцессия трансформирует ареал и его статус в городском пространстве таким образом, что это создает условия для последующей сукцессии. Чикагские исследователи обнаружили, что пространственные сукцессии могут сопровождаться сукцессиями на рынке труда. Так, швейные предприятия Чикаго сначала нанимали в качестве работниц ирландских

⁴ В русском языке термин "интерстициальный" широко употребляется в медицине и обозначает нечто (например, инородное тело), находящееся между соседними тканями.

и немецких девушек, затем происходило их замещение девушками из российских и польских еврейских семей, после - девушками из итальянских семей, и так далее. Каждая новая сукцессия облегчает процесс проникновения в городской ареал (в сегмент рынка труда) для последующей группы мигрантов. С каждой новой сукцессией ареал становится все менее привлекательным для старых групп резидентов, поскольку статус ареала в городском пространстве (или в структуре рынка труда) опускается ступенью ниже на лестнице пространственной иерархии (или иерархии занятости) [Wirth, 1966: 226 - 231].

Этот процесс экономической "сукцессии" в конце XX века вновь оказался в центре исследовательского внимания. Американский миграционист Роджер Уолдинггер подробно описывает феномен возникновения и развития мигрантских ниш. Он показывает, как разные группы мигрантов на протяжении 150 лет формировали мигрантскую нишу, сменяя друг друга в организационной агломерации муниципальных служб Нью-Йорка. Работа в муниципальных службах была интеграционной стратегией для нескольких мигрантских групп: сначала муниципальными служащими были англосаксонские протестанты, за ними пришли ирландцы, во время Великой Депрессии их сменили евреи и итальянцы, наконец, в соревнование вступили мигранты из Африки [Waldinger, 1994].

История создания мигрантской ниши - это социальная история последовательного исключения и включения. Чтобы ниша открылась для последовательных замещений, необходим период, когда финансирование сектора (в случае исследования Уолдинггера - муниципальных служб) подвергается существенному сокращению, занятость в ней становится непривлекательной для успешного и имеющего желаемый статус населения, и в организациях открывается ряд вакантных мест. Тогда в организационную структуру попадают первые мигранты, ищущие заработка и/или нацеленные на мобильность. Они распространяют информацию о существующих или появляющихся позициях с помощью персональных контактов, которые естественным образом ограничены и ведут к членам того же мигрантского сообщества. После того, как процесс был запущен, агенты, населявшие нишу до инвазии новой группы мигрантов, вытесняются из организационной структуры по мере нового заполнения ниши. Группа мигрантов адаптирует правила выполнения работы и рекрутирования нового персонала так, что они благоприятствуют найму, ограниченному соотечественниками группы, которые эти правила создала.

Социальный капитал сообщества

Эффективность мигрантских сообществ и жизнестойкость некоторых из них продолжали интересовать социологов в последней трети XX века. После оптимизма второй трети XX века - эпохи веры в прямолинейную ассимиляцию и силу плавильного котла - и вслед за социальными движениями конца 1960-х гг. наступила эпоха растерянности 1970-х. Исследователи и широкая публика увидели возрождение этнических ассоциаций "старых" европейских мигрантов [Gans, 1979] и сопротивление новых групп мигрантов из Азии, Африки и Латинской Америки старым стратегиям интеграции [Schmitter-Heisler, 2003]. С 1990-х гг. в объяснении путей инкорпорации в работах социологов используется концепция социального капитала. Она позволяет объяснить, как сообщество сохраняется, а не как оно растворяется в принимающем обществе. Первые развернутые описания циркуляции социального капитала, на которые опираются работы миграционистов, были предложены Джеймсом Коулменом⁶.

Концепт социального капитала вписан в общую теоретическую конструкцию Коулмена: тезис о рациональном действии принимается как стартовый, однако при этом

⁵ Концептуализация социального капитала, предложенная Пьером Бурдьё, используется американскими социологами миграции гораздо реже. Известный миграционист Алехандро Портес считает, что непопулярность концептуализации Бурдьё может объясняться ее излишней теоретической рафинированностью [Portes, 1998: 4].

отрицается экстремальный индивидуализм. Коулмэн предлагает определять социальный капитал через его функцию (как понятие "стул" определяется через функцию: "на нем сидят"). Социальный капитал - это элементы социальной структуры, которые акторы используют, чтобы действовать с целью получения различных прибылей, не обязательно монетарных (как человек использует стул для того, чтобы сидеть). Социальный капитал Коулмэна принимает следующие формы: 1) обязательства и ожидания, 2) информационные каналы, 3) нормы. Чтобы использовать обязательства и ожидания, а также нормы, в качестве ресурса для действия, необходимо дополнительное условие: *герметичность* ("closure") социальных отношений агентов, которые имеют прямое или опосредованное отношение к этому действию. Социальный капитал принадлежит структуре отношений между акторами. Он не может быть депонирован в материальные средства производства [Portes, 1998].

Коулмэн на эмпирическом материале показывает, что социальный капитал может быть значимым как субститут первичного человеческого или экономического капитала. Для него интерес представляет капитал, циркулирующий внутри семей мигрантов, и наличие его позитивных следствий для инкорпорации. Так, в классическом примере Коулмэна, необразованные и не работающие матери из семей, недавно мигрировавших из азиатских стран, приобретают обычно два комплекта школьных учебников - для себя и для детей - чтобы осваивать, а потом помогать приобретать детям образовательные компетенции, необходимые в принимающем обществе [Coleman, 1988: 110]. Другой материал, на который предлагает обратить внимание Коулмэн, описывает преимущества, которые можно получать от соседских отношений, достигших высокого уровня герметизации (closure). Родители, живущие в герметичных соседствах, в обмен на поддержание соседских отношений получают возможность контролировать их силами безопасность детей и получать информацию о неодобряемых нарушениях дисциплины (например, о прогулах школьных занятий, которые могут вести к неуспеваемости, отчислению и т.д.) [Coleman, 1988: 105 - 107].

Концепцию социального капитала А. Портес использует для объяснения формирования и функционирования мигрантских сообществ. Он обращает внимание читателя на то, что обмены, в которые вовлечен социальный капитал, характеризуются неточными (а) обязательствами и (б) временными горизонтами. В случае, когда агент имеет дело с такого рода транзакциями, принцип взаимного обмена может быть не соблюден. Предложенные ранее определения социального капитала не дают ответа на критический для понимания социального взаимодействия вопрос: почему обязательства соблюдаются? Чтобы ответить на него, Портес из слитной массы социальных явлений, которые были объединены в предшествующих определениях в один термин, выделяет: агентов действия (обладателей капитала), элементы структуры, гарантирующие выполнения обязательств (источник социального капитала), ресурсы, к которому получают доступ с помощью использования социального капитала и сам социальный капитал. Социальный капитал он переопределяет как *коллективные ожидания*, влияющие на индивидуальное поведение. В определенных обстоятельствах ожидания могут быть использованы как ресурс [Portes, 1993: 1323].

Ограниченная солидарность и обеспеченное доверие

Портес называет источники социального капитала - формы организации социальной структуры, которые гарантируют соблюдение обязательств и возможность использовать коллективные ожидания, разделяемыми группой, в качестве ресурса. Первый источник - *ограниченная солидарность (bounded solidarity)* - появляется в обстоятельствах, которые ведут к возникновению поведения, ориентированного на группу, но принципиально отличного от того, которое вызывается инкорпорированными ценностями. "Прародителем" концепции *ограниченной солидарности* Портес называет Маркса, который писал о процессе появления классового сознания: внутренняя солидарность группы рождается из внешне неблагоприятных условий. Такая

солидарность ситуативна: если ситуация в обществе по отношению к определенной социальной категории неблагоприятна настолько, что способствует появлению сильной солидарности между представителями этой категории, то появившееся чувство общности ведет к соблюдению норм взаимной поддержки, и используется членами группы как ресурс [Portes, 1998: 7 - 8].

Второй источник социального капитала- *обеспеченное доверие* ("*enforceable trust*"⁶). Источником вдохновения для Портеса здесь является веберовское различие между формальной и субстантивной рациональностью в рыночных транзакциях. Принципами формальной рациональности можно объяснять действия агентов в гипотетической ситуации транзакции, основанной на универсалистских нормах и открытом обмене. Принципами субстантивной рациональности можно объяснить действия агентов в ситуации транзакции, в которой на процесс обмена воздействуют частные обязательства членов конкретных групп. Групповые цели определяют поведение: индивидуальные члены подчиняют свои желания коллективным ожиданиям, предполагая, в свою очередь, появление выгод в долгосрочной перспективе на основании членства в группе. Мотивирующая сила здесь - ожидание выгод, ассоциирующихся с хорошей позицией в конкретном сообществе. Сообщество выступает гарантом выплаты по счетам; выплаты гарантированы санкциями [Portes, Sensenbrenner, 1993: 1325].

Ситуация, в которой возникает ограниченная солидарность, формируется под воздействием двух факторов. Первый - наличие конфронтации в той или иной степени между мигрантами и членами принимающего общества. Конфронтация возникает из значимой социальной (особенно лингвистической) дистанции и может рождать конфликты. Второй - отсутствие возможности вернуться домой. А. Портес и Дж. Сенсенбреннер приводят исторические свидетельства того, что мигранты, которые имеют возможность уехать, не развивают той солидарности, которой обладает сообщество в случае, если возвращение его членов в отправляющую страну невозможно. Исследователи предлагают закон *ограниченной солидарности*: чем более группа мигрантов отлична по фенотипу или культурным характеристикам от большинства населения, тем больше последствий разного рода предубеждений испытывают члены этой группы, и чем меньше возможность возвращения мигрантов, тем сильнее чувство групповой солидарности и больше объем социального капитала, основанного на этой солидарности [Portes, Sensenbrenner, 1993: 1131].

Одна из самых ярких иллюстраций концепции ограниченной солидарности найдена Портесом и Сенсенбреннер в ходе полевой работы в Майами. Это история офицера полиции Лозано, родившегося в Колумбии и мигрировавшего в США. Он выстрелил в двоих афроамериканцев, что стало поводом к массовым беспорядкам в Майами в 1989 г. Лозано был уволен из полиции и понял, что может оказаться лицом к лицу с разъяренными членами "черного" сообщества. Чтобы защитить себя, он нанял самого лучшего в Майами адвоката. Через некоторое время он обнаружил, что не может заплатить адвокату, и пошел на местную испаноязычную радиостанцию, чтобы попросить финансовой помощи от колумбийцев и других латиноамериканцев. Как потенциальный преступник, Лозано имел мало шансов на симпатию горожан. Тем не менее, он рассчитывал, что вызовет чувство понимания среди представителей латиноамериканских городских сообществ. После своего первого выступления на радио он получил 150 тысяч долларов [Portes, Sensenbrenner, 1993: 1237].

Интегративную силу *обеспеченного доверия* можно увидеть на эмпирическом материале, описывающем функционирование этнических анклавов - объектов, которые интересуют и интересуют социологов в силу специфических особенностей социальной организации. Одно из таких социальных образований - анклав доминиканцев в Нью-Йорке. Портес и Сенсенбреннер обращают внимание на то, что это сообщество - город внутри города - описывалось ранними исследователями как гетто, насе-

⁶ Перевод термина, введенного Портесом, сделан по аналогии с переводом юридического термина "enforceable", который конвенционально обозначает действие, "обеспеченное правовой санкцией".

ленное представителями рабочего класса, где нелегальные мигранты работали за низкую плату. Такое представление было в корне неверным, считают они. Анклав обеспечивает вновь прибывших и желающих начать собственное предприятие доступом к неформальным каналам кредитования. Эти каналы позволяют доминиканцам получить ссуду с небольшим количеством гарантирующих документов, или вообще без них. Ссуды доступны для начинающих, поскольку те, кто дает кредит, уверены в его выплате. Эти ожидания, во-первых, основаны на репутации получателей кредита, во-вторых - на обеспечении санкций для тех, кто нарушит обязательства. Наказание чаще всего имеет форму исключения из этнических предпринимательских кругов. Дороги за границами анклава ведут доминиканцев к низкооплачиваемой и непрестижной занятости [Portes, Sensenbrenner, 1993: 1335].

Социальный капитал появляется в таких сообществах как побочный продукт организованного контроля. Индивидуумы ведут себя в соответствии с ожиданиями не столько потому, что свято следуют раз и навсегда установленной норме реципрокности, но потому, что реципрокность *обеспечена* - наказанием или наградой. Портес и Сенсенбреннер формулируют закон *обеспеченного доверия*: объем социального капитала, создаваемого на основе обеспеченного доверия, прямо пропорционален силе внешней дискриминации и обратно пропорционален доступным экономическим возможностям за пределами сообщества мигрантов [Portes, Sensenbrenner, 1993: 1337].

Миграционные сети и сообщества мигрантов

В 1980-х гг. на исследовательских картах настойчиво начинает появляться исходный пункт миграции. Он появляется не только как культурная память мигранта, артикулированная в интервью и способствующая возникновению ограниченной солидарности, но как место, куда регулярно возвращаются. Снижение стоимости перемещений и развитие средств связи позволяют мигрантам поддерживать старые отношения в отправляющем сообществе, и при этом создавать новые в принимающем.

В этот период один из самых влиятельных на данный момент американских миграционистов Дуглас Мэсси публикует первые работы, в которых развивает теорию организации международной трудовой миграции [Massey and Reichert, 1980; Massey, 1986]. Мэсси развил высказывавшиеся ранее идеи (например, Ч. Тили [Tilly, 2006]) о том, что наиболее эффективными миграционными единицами являются не индивидуальные агенты, но сети. Он перемещает фокус с самих мигрантов на их отношения с отправляющими общинами, на различие между ними и не-мигрантами, на контрасты между первыми мигрантами, и теми, которые следовали за ними.

Миграция - это селективный процесс, ее начинают представители средних слоев конкретного сообщества. Миграция вытягивает из отправляющего общества относительно образованных, обладающих разнообразными навыками, мотивированных людей. Со временем, когда процесс проходит точку невозвращения и становится самовоспроизводящимся, миграция становится и менее селективной. Первичная высокая селективность миграции и концентрация культурного и экономического капиталов означает, что организационные структуры внутри принимающего мигрантского сообщества создаются руками тех, кто обладает большими, чем последующие мигранты, объемами экономического, культурного и социального капиталов. Это ведет к последующему существованию в мигрантских сообществах собственной стратификации и неравенству в доступе к внутренним ресурсам сообщества [Massey, 1993].

Миграция, считает Мэсси - это катализатор изменения в природе социальных отношений. Обычные связи дружбы и родства сами по себе предоставляют мало преимуществ для тех, кто хочет мигрировать. Но как только кто-то из персональной сети индивида мигрировал, связи трансформируются в ресурс миграции. Каждый новый акт миграции создает новую долю социального капитала для тех, с кем связан мигрант. Первый мигрант, который отправляется в новый пункт назначения, не обладает социальными связями, которые можно использовать, и для него миграция стоит до-

рого. Но после отъезда этого мигранта издержки миграции для его родственников и друзей снижаются [Massey, 2005].

С развитием миграционного потока на основе персональных сетей, связывающих мигрантов, появляются институты, способствующие упрощению миграции и уменьшению издержек (экономических, эмоциональных, социальных). Эти институты появляются как в отправляющем, так и в принимающем обществе. Они структурно комплементарны сетям мигрантов и могут принимать разные формы: это организации, которые предлагают (нелегальные) переходы через границы, транспорт по внутренним направлениям, контакты и контракты с работодателями, документы, кредит, жилье и т.п. Со временем отдельные организации становятся известны, приобретают институциональную стабильность, и конституируют другую форму поддержки, отличную от межличностных сетей и дающую еще более широкий доступ к рынкам (труда, жилья, образования) в принимающей стране [Massey, 2005].

Классическое исследование Мэсси, посвященной трудовой миграции из Мексики в США, было организовано следующим образом. Мэсси и его коллеги проводят обследование мексиканских домохозяйств, глубинные интервью и наблюдения по обе стороны границы. Мэсси удается обнаружить механизмы, способствующие установлению и поддержанию сетей между мигрантами в Лос-Анджелесе, и бывшими мигрантами и не-мигрантами в мексиканских городах.

В отправляющих общинах мексиканских городов существует институт, объединяющий мигрантов через самые слабые связи: связи, обусловленные фактом рождения и наличием опыта жизни в одной общине, определяемые как связи земляков. В каждом городе раз в год отмечают праздник святого покровителя, который когда-то репрезентировал единство членов общины. С увеличением миграции в США функции праздника были расширены: он начал предоставлять практическую рамку для воссоединения семей и друзей. Репрезентируя периодическое воссоединение отсутствующих (*los ausentes*), то есть мигрантов и *paisanos*-не-мигрантов, праздник способствует реинтеграции первых в сообщество и обеспечивает демонстрацию того, что они продолжают быть его членами. В день праздника, отданный *los ausentes*, мигранты оплачивают музыку, церковные украшения, фейерверк и т.д. Такая манифестация землячества показывает единство мигрантов и представителей общины на родине. Организация праздника демонстрирует, что отношения между земляками не разрушаются вследствие факта миграции, мигранты продолжают быть активными членами общин и пользуются в них должным уважением [Massey, 1986].

На границе между Мексикой и США мигрантов ждут посредники, которые обеспечивают переход через границу и документы; в случае необходимости они могут дать адреса людей, которые окажут помощь в поиске работы и жилья. Но обычно такая помощь не требуется: мигрант перемещается не в социальный вакуум, но в сообщество мигрантов. В принимающем городе нового мигранта должны ждать родные друзья или земляки, которые встроены в более широкий *социальный мир* мексиканских мигрантов. Новые отношения, которые прибывший будет создавать, с большой вероятностью будут связывать его с другими мексиканскими мигрантами, поскольку устойчивые отношения формируются между схожими по социальным характеристикам агентами⁷.

Мэсси и его коллеги обнаруживают, что в Лос-Анджелесе сети мигрантов так же институализированы. Каждую субботу мексиканские мигранты в Лос-Анджелесе собираются на стадионе для того, чтобы смотреть игру в футбол, "болеть" за мексиканскую команду, назначать свидания, находить работу, искать жилье, обмениваться информацией (в том числе о родных городах), совершать сделки и т.д. В принимающем городе институтом, вокруг которого организованы сети мигрантов, является футбольный клуб земляков.

Та позиция, которую мигрант занимает в мигрантском сообществе принимающего общества, определяется не только его деятельностью в этом новом обществе, но и

⁷ Это тезис, который на эмпирическом материале доказали социологи, работающие в области анализа социальных сетей. Для короткого введения в дискуссию [Granovetter, 1983].

его позицией в отправляющем сообществе. Связи в материнских общинах поддерживаются с помощью персональных и институционализированных ресурсов, и такой тип построения отношений позволяет мигрантам получать разнообразные ресурсы (экономические, символические и т.п.) от двойного членства, и увеличивать свои прибыли за счет своеобразного "оборота" ресурсов отправляющего сообщества в принимающем, и наоборот.

* * *

Данная статья позволила читателю познакомиться с теоретическими достижениями одного из наиболее продуктивных направлений социологии миграции - исследований сообществ мигрантов. В тексте была показана траектория развития данной предметной области: от первых исследований характеристик мигрантских сообществ и их места в общей системе городского неравенства, к работам, объясняющим принципы внутренней организации сообществ, и далее - к изучению транснациональных сообществ и влияния процесса миграции на их внутреннюю стратификацию и позицию мигранта в принимающем обществе. Интеграция мигрантов в новое общество, гармонизация социальных связей и отношений между ними и местным населением - процесс, рассчитанный на длительное время.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Парк Р.* 2002а. Город как социальная лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. N 3. С. 3 - 12.
- Парк Р. Э.* Городское сообщество как пространственная конфигурация и моральный порядок // Социальные и гуманитарные науки за рубежом. Сер. 11. Социология. 2000. N 3. С. 136-150.
- Парк Р.* 2002б. Конкуренция. Конфликт. Аккомодация. Ассимиляция // Теоретическая социология: Антология. В 2-х ч. / Пер. с англ., фр., нем., ит. Сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. М.: Книжный дом "Университет". 2002. Т. 1. С. 390 - 422.
- Парк Р. Э.* 2002с. Организация сообщества и романтический характер // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. N 3. С. 13 - 18.
- Парк Р. Э.* Экология человека // Теория общества: фундаментальные проблемы / Под ред. А. Ф. Филиппова. М.: Канон-пресс-Ц, 1999. С. 384 - 400.
- Alba R., Nee. V.* Remaking the American Mainstream: Assimilation and Contemporary Immigration. Cambridge, MA: Harvard University Press. 2003.
- Aldrich H.E., Waldinger R.* Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. P. 111 - 135.
- Becker H.* The life history and the scientific mosaic. Introduction to "The Jack-roller" by C. Shaw // Shaw C. The Jack-roller: A Delinquent Boy's Own Story. Chicago & London: University of Chicago Press. 1966. P. V-XIII.
- Coleman J.* Social Capital in the Creation of Human Capital // The American Journal of Sociology. 1988. Vol.94. P. 95 - 120.
- Gans G.* Symbolic Ethnicity: The Future of Ethnic Groups and Cultures in America // Ethnic and Racial Studies. 1979. Vol. 2. P. 1 - 20.
- Gordon M.M.* Assimilation in American life: The role of race, religion, and national origins. Oxford University Press. 1964. 288 p.
- Granovetter M.* The Strength of Weak Ties: A Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1983. Vol. 1. P. 201 - 233.
- Massey D.S., Reichert J.* History and Trends in U.S. Bound Migration from a Mexican Town // International Migration Review. 1980. Vol. 14 (4). P. 475 - 491.
- Massey D.S.* at all. Theories of international migration: a review and appraisal // Population and development review. 1993. Vol. 19 (3). P. 431 - 466.
- Massey D.S.* The Social Organization of Mexican Migration to the United States // Annals of American Academy of Political and Social Sciences. 1986. Vol. 487. P. 102 - 112.
- Massey D.S.* et al. Worlds in Motion. Understanding International Migration at the End of the Millenium. Oxford: Clarendon Press. 2005.
- Park R.E.* Human migration and the marginal man // The American Journal of Sociology. 1928. Vol. 33. N6. P. 881 - 893.
- Portes A.* Social Capital: Its Origins and Implications in Modern Sociology // Annual Review of Sociology. 1998. Vol.24. P. 1 - 24.

- Portes A., Sensenbrenner J.* Embeddedness and Immigration: Notes on Social Determinants of Economic Action // American Journal of Sociology. 1993. Vol. 98. P. 1320 - 1350.
- Schmitter-Heisler B.* The Sociology of Immigration: From Assimilation to Segmented Integration, from the American Experience to the Global Arena // Migration Theory. Talking Across Disciplines. New York: Routledge. 2003. P. 77 - 96.
- Thomas W.I., Park R.E., Miller H.A.* Old world traits transplanted. Montclair, N.J: Patterson Smith. 1971.
- Thomas W.I., Znaniecki F.W.* The Polish Peasant in Europe and America: Monograph of an Immigrant Group. 2-nd ed. N.Y.: Knopf, 1927.
- Thomas W.I.* The Unadjusted Girl. With cases and standpoint for behavior analysis. New York: Harper & Row, 1967.
- Thrasher F.M.* The Gang. A Study of 1.313 Gangs in Chicago. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1968.
- Tilly C.* Migration in Modern European History // The migration reader: exploring politics and policies / ed. by Anthony M. Messina. Boulder: Rienner. 2006. P. 126 - 146.
- Waldinger R.* The Making of an Emigrant Niche // International Migration Review. 1994. Vol. 28 No 1. P. 3 - 30.
- Wirth L.* The Ghetto. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1966.
- Zorbaugh H.W.* The Slum // Zorbaugh H.W. The Gold Coast and the Slum. Chicago and London: The University of Chicago Press. 1983. P. 127 - 158.